

ЗОЛТАН С. БИРО

Венгерско–русские политические отношения
(1991–2005)

Корректная, но в то же время сдержанная политика Будапешта по отношению к России в первой половине 90-х годов была совершенно оправданной. С одной стороны, старые-новые элиты бывших стран-сателитов должны были убедительно доказать как своему политическому обществу, так и внешнему миру, что они отделились от Москвы, а с другой стороны, исход перемен, начавшихся в России, казался неопределенным, причем иногда не только в отдаленной, но и в ближайшей перспективе. Поэтому уже элементарный политический здравый смысл призывал к осторожности. Однако к концу 90-х гг., после ухода Ельцина, эти побуждавшие к сдержанности обстоятельства, хотя, быть может лишь временно, большей частью значительно изменились. Во время первого президентского цикла Путина Россия ясно продемонстрировала, что она признает постепенное возвращение своих бывших союзников к традиционной для них системе европейских связей, а также их попытки овладеть позициями в тех интеграционных институтах, в которые они не имели доступа ранее, в годы политической и военной разделенности Европы. Больше того, между 2000 и 2003 гг. имелись основания для предположения, что и самой Россией уже руководит эффективно проявляющая свою политическую волю коалиция политической и деловой элиты, которая пришла к однозначному выводу: возвышение этой огромной восточноевропейской страны может произойти лишь посредством приближения к странам европейского центра, путем европейской интеграции. Другой возможности для России нет, все, что указывает в ином направлении, чревато опасностью упадка и окончательного оттеснения на периферию. Однако с осени 2003 г. ситуация снова начала меняться. С этого времени опять умножились тревожные симптомы, относящиеся к России. И это в одинаковой мере относится как к внутренней, так и к внешней политике.

В середине 1991 г. правительство Антала удачно оценило последствия августовской попытки путча в Москве, ускорения дезинтеграции в советском регионе. Вследствие этого в ходе визита венгерского премьер-министра в Советский Союз в начале декабря

официальная делегация встретила уже не только с игравшим все более номинальную роль руководителем союзного центра, Михаилом Горбачевым, но и с президентом крупнейшей советской республики, России, Борисом Ельциным. Больше того, в рамках официального визита правительственная делегация посетила и Киев, где венгерский премьер-министр одним из первых иностранных политиков встретился с выбранным за несколько дней до этого президентом Украины Леонидом Кравчуком и, также одним из первых, открыл дипломатическое представительство Венгерской Республики в Киеве. Все это свидетельствовало об информированности и хорошем «чувстве ритма» венгерского правительства.

Видимо, было бы не слишком справедливо возлагать на правительство Антала ответственность за потерю т. н. восточных рынков. Очевидно, в этом отношении были допущены ошибки, а природа этого процесса формировалась и определенными идеологическими обертонами, и все же нельзя утверждать, что ответственность за новую «деловую» ситуацию, сложившуюся в течение нескольких лет, лежала исключительно на венгерском правительстве. В период смены режима вообще нельзя было «обойтись» без идеологических обертонов, как не удалось добиться этого и в других бывших странах-сателитах. В потере Венгрией в начале 90-х гг. важных рынков в странах, возникших на бывшей территории Советского Союза, решающую роль играла не смена политической ориентации Будапешта (хотя, конечно, она тоже имела некоторое значение), а внутренние проблемы стран-преемниц СССР, множество трудностей их политической и экономической трансформации. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что и социально-либеральный кабинет, пришедший к власти после правительств Антала и Бороша, не сумел добиться настоящего перелома, а между тем на политику правительства Хорна в бывшем советском регионе вряд ли влияли полные недоверия идеологические предрассудки. Правда, нельзя сказать, что это правительство постоянно занималось возрождением восточных контактов, да это и понятно. Кабинет Хорна прежде всего стремился создать надежные институциональные рамки для отношений Венгрии с западными странами, и эта задача, по всей видимости, поглотила все его внимание. Однако у него все же оказалось достаточно здравого смысла для того, чтобы не обременять свои отношения с Москвой излишними конфликтами.

Зато этого нельзя сказать о правительстве Орбана, начавшего свою деятельность в 1998 г. Это правительство испытывало практически постоянное и сильное побуждение к словесному бичеванию России. Один из красноречивейших в этом отношении эпизодов

состоялся в начале сентября 2001 г. на общеевропейском совещании руководителей правоцентристских партий в Таллине, где политический госсекретарь Министерства иностранных дел Венгрии не только крайне критически охарактеризовал европейскую социал-демократию, но и, разделив Европу на Запад и Восток и отождествив первый с будущим, а второй с прошлым, недвусмысленно дал понять, что думает официальный Будапешт о своих восточных соседях, и, прежде всего, как следовало уже из местоположения города, в котором выступал госсекретарь, – о России. В то время, за несколько дней до террористических нападений 11 сентября, уже считалось крайне нетактичным публично отождествлять Москву с прошлым или с силами прошлого. Неловкость, возникшая из-за этого тона, который уже сам по себе крайне непривычен в дипломатии, усугублялась тем хорошо заметным фактом, что с осени 2000 г. важнейшие державы Европы, почти соревнуясь друг с другом, искали возможности долгосрочного сотрудничества с путинской Россией. Это было время, когда к группе этих держав присоединились уже не только немцы и британцы, но и те самые французы, которые, быть может, решительнее остальных европейских стран осудили Москву за эксцессы, происходившие в Чечне. И, конечно, не случайно и то, что Тони Блэр пять раз встретился с главой российского государства в год его избрания президентом. Правда, это можно объяснить растерянностью, вызванной за рубежом неожиданным возвышением Путина, но только этим – едва ли. После визита Путина в Париж в октябре 2000 г., когда на переговорах между двумя странами была заключена крупная, многомиллиардная газопромышленная сделка, трудно было не почувствовать, что не только Москва решительно поворачивается лицом к Европе, но и ключевые страны Европы также готовы к более тесному сотрудничеству с Россией. Было тяжелой ошибкой не почувствовать этого и не приспособиться к этой новой ситуации.

Однако таллинское выступление госсекретаря по иностранным делам имело свои предпосылки. В подобном тоне были выдержаны и многие высказывания премьер-министра Орбана. Одним из ранних примеров этому стало интервью журналу *Newsweek* осенью 1998 г., в котором он заявил: «Нам не нравится, что Примаков стал главой правительства». Конечно, у Виктора Орбана могли быть мрачные и тревожные мысли в связи с новым российским премьер-министром, но зачем же нужно было говорить об этом публично?

По всем признакам, Орбана, в противоположность его предшественникам, серьезно занимала Россия, поскольку он снова и снова охотно возвращался к этой теме. Так, например, в мае 2001 г. в

интервью газете *New York Times* он пространно рассуждал о России. Однако в этом случае прежний образ хаотичной и непредсказуемой России уже сменился видением снова набирающего силы восточного исполина. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что в этом интервью чувствуется сильное влияние по крайней мере трех важных событий или обстоятельств того времени. С одной стороны, с начала осени 2000 г. венгерское правительство было вынуждено столкнуться с собственнической экспансией в Венгрии фирм, связанных с российским газопромышленным гигантом, «Газпромом». Эти события явно удивили венгерское руководство, застали его врасплох. Эта ситуация нервировала правительство в гораздо большей степени, чем это было бы допустимо. С другой стороны, в марте 2001 г. произошел несчастный инцидент, к которому привела публикация английского аналитического издания *Jane's Intelligence Digest*. В этой публикации без каких-либо доказательств или сколько-нибудь серьезных доказательств утверждалось, что цыгане из Замоля, попросившие убежища в Страсбурге, приняли решение покинуть Венгрию в результате манипуляций российских секретных служб. Это сообщение вызвало серьезные внутривнутриполитические осложнения, в то время как правительство, по не совсем понятным соображениям, некоторое время поддерживало впечатление, что за кулисами событий все же что-то есть. Позже эти осложнения прекратились таким образом, что правительство не дало никаких вразумительных объяснений относительно причин своей наполненной двусмысленностями коммуникации, продолжавшейся в течение нескольких недель. Наконец, первая половина 2001 г. была тем периодом, когда новая американская администрация считала, что Россия превратилась в слабую, практически незначительную страну, и действовала в духе этого представления. Следовательно, казалось, больше нет никаких оснований для поддержания эксклюзивности отношений между Вашингтоном и Москвой ни в одной из областей этих отношений. Таким образом, как мог думать венгерский премьер-министр, если российский капитал экспансивен, российские секретные службы проявляют наглую активность, а крупнейший союзник Венгрии, Соединенные Штаты, как раз сейчас ставят Москву на место, то у венгров есть все основания для того, чтобы публично говорить о непросто, но все же угрожающем русском фантоме.

После таких предпосылок Орбан и его окружение были явно удивлены теми политическими возможностями, которые открылись перед Путиным после 11 сентября. А между тем, это отнюдь не должно было стать сюрпризом. Если бы премьер-министр и его

советники хотя бы на уровне возможностей считались с тем, что консолидирующий, укрепляющий власть центра, реприватизирующий публичную власть путинский курс не обязательно должен представлять собой угрозу для других стран, но может оказать и благотворное влияние, заложить основы прочного и предсказуемого сотрудничества, то тогда не пришлось бы удивляться неожиданному укреплению международных позиций Москвы. Если бы венгерское правительство несколько внимательнее следило за сложившейся еще до террористических актов политикой ключевых европейских держав по отношению к России, то, может быть, оно не оказалось бы в таком неожиданном и неприятном положении. По существу 11 сентября радикально изменило отношение к Москве только одной важной державы, Соединенных Штатов. Это, конечно, повысило ценность России и в глазах большинства европейских государств, но ни одна из ключевых держав не была поставлена перед необходимостью кардинальной переоценки своей восточной политики. Иначе обстояло дело с Венгрией. Будапешту приходилось делать попытки коррекции своей восточной политики после неоднократных неприятных инцидентов и бестактных правительственных заявлений. Однако Москва была не слишком восприимчива по отношению к этой запоздалой политической самокритике правительства Орбана. Какие бы серьезные усилия ни прилагал Будапешт, добиваясь приема Орбана в Москве на высшем уровне, добиться этого не удалось.

В то же время было бы несправедливо, если бы мы не добавили ко всему этому двух замечаний. С одной стороны, нужно сказать, что политика Орбана по отношению к России имела не единственный оттенок. Многое указывает на то, что в правительстве были люди, которые при соответствующей возможности стремились бы к гораздо более уравновешенным отношениям с Москвой. С другой стороны, очевидно и то, что в период между 1998 и 2002 гг. среди связанных с Россией инцидентов наиболее интенсивные отклики вызвала именно возникшая в 1999 г. проблема российского конвоя, которая поставила венгерское правительство в необычайно тяжелое и щекотливое положение. Нельзя с уверенностью утверждать, что другому правительству, обладающему большим внешнеполитическим опытом, было бы легче преодолеть это препятствие.

После таких предпосылок мы добрались до периода правительства Медьеши. Уже во время избирательной кампании 2002 г. было ясно, что если в Венгрии будет снова сформировано левое правительство, то оно будет считать урегулирование венгерско-российских отношений одной из своих важнейших внешнеполитических

задач. Осуществление этой задачи в значительной степени облегчалось тем обстоятельством, что в это время было нетрудно аргументировать в пользу полного восстановления контактов, поскольку политика Москвы пользовалась тогда всеобщим признанием. Это был период, когда Россия одновременно пользовалась политическим доброжелательством Соединенных Штатов и поощряющим вниманием ведущих стран Западной Европы. В декабре 2002, после семилетнего перерыва, снова состоялся визит в Москву главы венгерского правительства, где он был принят на высшем уровне. Медьеша добился и того, чтобы в следующем году помимо его свидания с российским президентом в мае, во время празднования 300-летней годовщины основания Санкт-Петербурга, состоялась еще одна двусторонняя встреча между ними. Все это ясно указывало на готовность Москвы к диалогу на самом высоком уровне. И эта готовность не была связана ни с какими предварительными условиями, не считая взаимно корректного и уравновешенного тона, которые стороны могли по праву ожидать друг от друга. Эти политические события оказали свое благотворное воздействие, и объем торговых связей между двумя странами увеличился за год почти на 40%.

Далеко не в такой благоприятной международной атмосфере состоялся в феврале 2005 г. визит в Москву нового премьер-министра Ференца Дюрчана. Сохраняя стремление своих предшественников к поддержанию содержательных и прагматических отношений с Россией, Ференц Дюрчань прибыл в страну, оценка которой на Западе, прежде всего благодаря делу «ЮКОС», а также связанным с ним изменениям в структуре власти, была уже гораздо более критической, чем до лета 2003 г. Несмотря на то, что венгерское правительство, естественно, тоже видит дающие повод для беспокойства тенденции в российской внутренней политике, оно не считает своей задачей публичную оценку этих тенденций. И в этом отношении оно, по всей очевидности, совершенно право. Не только потому, что и западные союзники Венгрии ведут себя в этом вопросе очень сдержанно, но и потому, что такого рода выступления не приносят ни результатов, ни политической выгоды. Зато причиняют большой вред. Между прочим, не следует забывать о том, что и Москва не считает своей задачей публичную оценку венгерской внутренней политики. При таких обстоятельствах, по всей вероятности, наиболее полезной может стать политика, служащая поддержанию корректных и взаимовыгодных отношений. Это реальная цель. Быть может, уже поэтому стоит стремиться к ее достижению...